ДѢДУШКА.

Въ 1691 году молодой царь Петръ Алексѣевичъ нашелъ въ одномъ изъ сараевъ, въ подмосковскомъ селѣ Измайловѣ, брошенный тамъ ботикъ, который когда–то поднесенъ былъ англичанами родителю Петра, царю Алексѣю Михайловичу. Невидавъ никогда такого судна, любознательный царь разсматривалъ его съ большимъ вниманіемъ и очень обрадовался, когда призванный голландецъ Брантъ взялся починить его, оснастить и спустить на–воду.

Ботикъ и точно былъ спущенъ, съ мачтой и парусомъ, на рѣку Яузу. Царь катался по рѣкѣ, по Просяному пруду, по озеру Переяславскому, и это ему такъ полюбилось, что онъ рѣшился основать флотъ, хотя въ то время не владѣлъ еще нигдѣ моремъ, кромѣ Архангельска.

Однако настало для Петра то время, когда флотъ нашъ, гребной и парусный, не только явился на Азовскомъ и Балтійскомъ моряхъ, но даже былъ главною причиною

воинскихъ успѣховъ, особенно противу шведовъ. По Нейштатскому миру въ 1721 году, балтійскія губерніи и Финляндія остались на всегда за нами и на завоеванной землѣ процвѣтала уже новая столица, Петербургъ, а въ гаваняхъ балтійскихъ спокойно стоялъ нашъ флотъ. Тогда царь, вспомнивъ ботикъ на Яузѣ, назвалъ его Дѣдушкою русскаго флота и въ честь ему устроилъ особое торжество: ботикъ привезенъ былъ въ 1723 году изъ Москвы въ Шлиссельбургъ, тамъ вновь исправленъ, и самъ царь поплылъ на немъ Невою въ столицу свою.

У Смольнаго монастыря встрѣтила его царица, съ невскимъ гребнымъ флотомъ; спустившись до Троицкой церкви, при пальбѣ и празднествѣ, ботикъ былъ поставленъ подъ особый навѣсъ, на сохраненіе.

Вскорѣ царь сдѣлалъ большой смотръ кронштатскому флоту, на рейдѣ; всего 19 кораблей и 4 фрегата, кромѣ множества галеръ и другихъ мелкихъ судовъ. Здѣсь ботикъ или Дѣдушка прошелъ подъ

штандартомъ вдоль всей линіи, при пальбѣ изо всѣхъ пушекъ флота и крѣпости, при барабанномъ боѣ и музыкѣ и громогласномъ кликѣ ура.

Въ это время гребцами на Дѣдушкѣ были четыре флагмана: Адмиралы Сиверсъ, Гордонъ, Сенявинъ и Сандерсъ; государь стоялъ на рулѣ, а генералъ–адмиралъ Апраксинъ и адмиралъ Крюйсъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ. Дѣдушка отвѣчалъ на здравствованіе внучатамъ своимъ изъ четырехъ пушченокъ. Все празднество это длилось двое сутокъ.

Затѣмъ Дѣдушка былъ опять привезенъ въ Питеръ и отданъ коменданту на вѣчное сохраненіе. Еще два года сряду, до кончины государя, ботикъ 30–го августа былъ спускаемъ для празднества. Императрица Елисавета Петровна возобновила торжество это, но съ 1750 года ботикъ покоился подъ навѣсомъ; только въ 1803 году, когда праздновали столѣтіе С. Петербурга, ботикъ поставленъ былъ на возвышеніи, на стопушечномъ кораблѣ

Гавріилъ, посрединѣ Невы, супротивъ коннаго памятника Петру Великому.

Въ 1836 году государю Императору благоугодно было отдать почетъ великому пращуру своему; новымъ торжественнымъ плаваніемъ ботика мимо флота, какого еще до того не бывало на кронштадтскомъ рейдѣ.

28 Іюня, при салютѣ съ крѣпости, ботикъ спущенъ былъ на Неву, и принятый Адмиралтействъ–Совѣтомъ отъ коменданта, приведенъ на буксирѣ парохода въ Кронштадтъ и введенъ, при салютахъ же, въ военную гавань. 2–го іюля Дѣдушку поставили, при почетномъ караулѣ, на возвышенное мѣсто, покрытое алымъ сукномъ, на пароходѣ Геркулесъ; 26 линейныхъ кораблей, 21 фрегатъ, 10 бриговъ, 2 шкуны, 2 люгера, 2 яхты тендеры — всего 64 вымпела, подъ начальствомъ 84–хъ лѣтняго адмирала Крона, стояли въ линіи на девяти верстахъ; государь съ Высочайшимъ семействомъ своимъ, дворомъ и иноземными послами, прибылъ на пароходѣ Ижора: тогда

Геркулесъ, подъ адмиральскимъ флагомъ, обошелъ всю линію флота, при отданіи ботику чести, съ барабаннымъ боемъ и кликами ура.

Затѣмъ Геркулесъ сталъ на якорь, на ботикѣ поднятъ былъ штандартъ и пальба открылась со всего флота и съ крѣпостей. Дѣдушка отвѣтилъ семью выстрѣлами и всѣ корабли расцвѣтились флагами. Государь прибылъ на Геркулесъ и осмотрѣлъ Дѣда Рускаго Флота въ новомъ убранствѣ его; а когда послѣ того Геркулесъ съ ботикомъ стоялъ уже у входа въ гавань и пароходъ Ижора проходилъ мимо, то самъ Императоръ и всѣ особы свиты его стояли въ почтительномъ положеніи, лицомъ къ ботику. Онъ привезенъ былъ опять въ Петербургъ и сданъ подъ храненіе коменданту, гдѣ поставленъ нынѣ въ особомъ домикѣ, и гдѣ посѣщаютъ его любопытные, покланяясь въ немъ памяти Петра Великаго.